

Малашук П.В.

БАНКРОТСТВО ГААГСКОГО ТРИБУНАЛА

Введение. В отечественном научном сообществе явно недостаточно разрабатывается проблематика, связанная с политической и правовой оценкой государственной деятельности лидеров стран далёкого зарубежья. Между тем соответствующие фундаментальные научные изыскания являются востребованными и в научном, и в практическом плане. Автор обратился к соответствующему сюжету, связанному с личностью экс-президента Югославии Слободана Милошевича. Он даёт оценку поведения данного деятеля в драматический период балканского кризиса, основываясь на нормах и принципах международного права. При этом автор не выполняет ничего социального заказа. По его мнению, такого рода публикации должны быть полностью свободными от идеологической зашоренности. Он хорошо помнит, что после краха коммунизма вошла в моду огульная критика лиц, которые принадлежали к коммунистической номенклатуре. Особенно это касалось тех из них, кто в сложнейших международных условиях отстаивал национальные интересы своей страны. Герой настоящей публикации относится именно к таким политикам. Автор будет считать свою задачу решённой, если читатель освободится от тех стереотипов, которые могли внушить ему прозападные электронные и печатные средства массовой информации.

Справка: Личное дело МИЛОШЕВИЧА Слободана, экс-президента Югославии, лидера социалистической партии Сербии.

Родился 29 августа 1941 года в идеологически разнородной семье: мать была убежденной коммунисткой, отец – священником. Во время учебы на юридическом факультете Белградского университета познакомился со своей будущей женой Мирой (Мирьяной) Маркович. Согласно многим свидетельствам, Мира Маркович сыграла огромную роль в жизни мужа и в югославской политике. Сделал карьеру по партийной линии. Руководил белградской информационной службой. В 1973 году возглавил Газпром и Белградский банк. В 1978 – 1982 годах был лидером коммунистической партии Белграда, в 1987 году возглавил коммунистическую партию Сербии.

В 1989 году стал президентом Сербии. В ходе развала Югославии продолжал быть главой разных государственных образований, пока наконец под его властью не остались только Сербия и Черногория. Проводил патриотическую политику, в связи с чем пользовался огромной популярностью у сербов, которые считают его спасителем и восстановителем национального единства. Противники Милошевича называют его «балканским мясником» и обвиняют в геноциде албанцев и боснийских мусульман.

На выборах в октябре 2000 года проиграл демократу Воиславу Коштунице, ушел с поста президента, но остался лидером социалистической партии. Согласно ряду источников, продолжал пользоваться популярностью среди населения.

Международный трибунал по военным преступлениям в Гааге требовал у югославского правительства выдачи Милошевича, который обвинялся в геноциде, военных преступлениях и преступлениях против человечности. Выдача произошла в июне 2001 года, и Милошевич оказался в тюрьме Гаагского трибунала, в которой умер 11 марта 2006 года [1].

Автор настоящей статьи попытался ответить на два вопроса:

- правомочен ли Гаагский трибунал как судебный орган?
- были ли основания для привлечения экс-главы югославского государства Слободана Милошевича к судебной ответственности?

Давно признано аксиоматичным выражение: «Учитель должен показать пример». Очевидно, что Запад излишне сконцентрирован на менторской деятельности в отношении Беларуси, методично читая нашей стране нотации на предмет демократии, соблюдения прав человека. Между тем анализ механизма создания и функционирования Международного трибунала по военным преступлениям в бывшей Югославии (МТБЮ) свидетельствует, что именно Запад должен учиться у объекта его менторских наставлений.

Малашук Павел Владимирович, доцент кафедры общественных дисциплин Бобруйского филиала Белорусского государственного экономического университета.

Когда, кем и для чего был создан МТБЮ? Идея создания трибунала по бывшей Югославии стала предметом обсуждения в Организации Объединенных Наций в 1993 году, когда значительная часть территории экс-СФРЮ была ареной ожесточенных военных действий. Он был образован по резолюции № 827 Совета Безопасности, а в полномочиях Совета Безопасности создания подобного рода институтов нет: Совбез не правомочен создавать такой орган. Не случайно при обсуждении этого вопроса сказывалось сильное давление американской стороны, которая настаивала на необходимости создания трибунала.

Первое предварительное решение – создать трибунал на основании международного договора. Второй вариант – «пропустить» его через ООН, или третий вариант – поручить ведение дел по бывшей Югославии международному суду ООН. Но против выступили американцы, и их поддержали ряд сторонников из НАТО, потому что на представительном большом форуме им сложно было бы соблюдать американские интересы и суд мог оказаться более или менее объективным. Они настояли на своем, Россия согласилась, Китай промолчал, и 15 членов Совета Безопасности 22 мая 1993 года образовали такой орган. Вместе с тем, в международном пакте «О гражданских и политических правах», принятом Организацией Объединенных Наций, в статье 14 говорится, что «любой гражданин может быть предан суду, только образованному на основании закона», а трактуют эти слова так, что не на основании закона, а законным образом.

Каждый суд обладает своим статусом и правилами процедур ведения следствия, ведения судебных заседаний, принятия судебных решений, но никогда ни один суд в мире не пишет себе и статус, и правила, и так далее. Гаагский трибунал – это исключение, он сам для себя разрабатывает все процедуры, сам пишет себе правила ведения следствия, даже есть пункт относительно принятия секретных решений, и таким образом суд сам определяет свою юрисдикцию и даже сам определяет, по каким законам судить и какие меры наказания выносить. И даже апелляция палата этого суда подчиняется главному прокурору суда – Карле дель Понте, то есть понятно, что этот суд чисто пронатовский, проамериканский. Даже по составу обвиняемых видно, кого там пытались судить: в 2006 году 82 % арестантов – это сербы, остальные – хорваты, боснийские мусульмане.

Еще в 1994 г. председатель Международного суда ООН Мохаммед Беджауи указал на спорный характер резолюции № 827 Совета Безопасности ООН, в соответствии с которой вышеупомянутый «трибунал» и был основан. Именно этот «трибунал» всячески поддерживается США и блоком НАТО. Кстати сказать, по состоянию на середину 2002 года более шестидесяти государств ратифицировали договор об учреждении Международного уголовного суда. Данный суд, называющийся также Римским (поскольку договор был подписан в 1998 г. в Риме), должен был начать свою работу 1 июля 2002 г. в Гааге. Он должен был судить тяжкие преступления, например: геноцид, военные преступления, где бы они ни были совершены. Между тем американская администрация отозвала свою подпись под договором, она этот суд не признала, более того, сообщила о своей готовности «всеми средствами», вплоть до применения силы, препятствовать тому, чтобы кто-то из граждан США когда-либо перед ним предстал. Одновременно американская администрация угрожает санкциями тем государствам, которые будут сотрудничать с Международным уголовным судом. США пригрозили, что отзовут свой персонал из всех миротворческих миссий ООН, если их граждане не будут исключены из компетенции данного суда» [2].

Итак, «трибуналу» по бывшей Югославии США дали полную политическую и финансовую поддержку, а своим влиянием на Белград обеспечили выдачу Слободана Милошевича в Гаагу в сроки, ими определенные.

Создание Гаагского трибунала на деле нарушило базовый принцип международного права, да и самой ООН. Совет Безопасности создал орган, наделив его компетенцией, которой сам не обладает. Этим было нарушено общепризнанное правило: «Никто не может

передать другому больше прав, чем имеет сам» [3, 121].

«Следует обратить внимание еще на одну юридическую тонкость: устав трибунала по бывшей Югославии содержит широкий перечень преступлений, отражающий современный уровень развития международного уголовного права; вместе с тем в уставе отсутствует категория преступлений против мира, которая существовала в уставах Нюрнбергского (ст. 6) и Токийского (ст. 5) международных военных трибуналов, важнейшей целью деятельности которых являлось осуждение поджигателей войны. Иначе говоря, положения устава охватывают последствия, а не причину вооруженных конфликтов на территории бывшей Югославии. Поджигатели и провокаторы войны парадоксально переместились из обвиняемых в обвинителей. Возникает вопрос: неужели соответствующие положения Нюрнбергского и Токийского военных трибуналов утратили в современный период свое значение? Подобное положение представляется не случайным и выглядит как попытка уйти от истинных причин трагедии Югославии, снять вину с тех, кто разыгрывал кровавый сценарий в своих политических интересах. «Qui prodest», – говорили в таких случаях древние: ищите того, кому выгодно преступление» [3, 123].

Арест С. Милошевича, депортация его в Гаагу были «совершены с нарушением Конституции Сербии, Конституции Югославии. Из-за чего Союзное правительство и подало в отставку. Из-за этого в Югославии были возбуждены уголовные дела. Любой суд обязан рассмотреть вопрос habeas corpus (неприкосновенности личности) до начала судебного процесса». Однако МТБЮ полностью проигнорировал существование подобного вопроса.

С. Милошевич полгода находился в предварительном заключении в Гааге, а затем начался суд. Помимо Милошевича, к числу главных обвиняемых Международный трибунал причислил бывшего президента Сербской Краины (сербского анклава на территории Боснии) Радована Караджича и бывшего командующего войсками боснийских сербов генерала Ратко Младича.

«Для доказательств вины Гаагский трибунал ввел собственную теорию: СПД («совместных преступных действий»). Прокуратура утверждала, что Милошевич был участником СПД и совершал преступления через других его участников. Основной задачей было доказать связь между Милошевичем и лицами, непосредственно причастными к преступлениям (а их, как и в любой гражданской войне, на территории всей Югославии было совершено немало). Сутью теории СПД являлось утверждение, что если отдельные участники СПД совершили преступление геноцида, то тот его участник, который не имел такой цели, все равно будет нести ответственность за геноцид! Таким образом, трибунал отменил фундаментальный принцип ответственности за геноцид по международному праву – необходимость доказательства наличия умысла (Конвенция о предотвращении и наказании преступления геноцида 1948 года)» [3, 122-123].

Процесс шел медленно – вместо двух лет он растянулся на четыре года. И дело было даже не в том, что Милошевич с самого начала стал жаловаться на плохое самочувствие и всячески затягивать процедуру. Просто поскольку он защищался сам, то, как только судьи дали ему слово, переводил разговор с конкретных преступлений, вменявшихся ему в вину, на рассуждения о том, кто виноват в том, что Югославия, просуществовавшая в качестве единого государства почти 70 лет, развалилась на отдельные национальные образования, на территории которых сразу вспыхнули вооруженные конфликты. К тому же доказательства против Милошевича, о которых заявляла Карла дель Понте в самом начале процесса, при ближайшем рассмотрении оказались не столь убедительными.

«Все, кто следил за процессом в зале суда и по Интернету (где появлялись стенограммы заседаний), считают, что в ходе допроса свидетелей С. Милошевич уверенно разрушал их показания. Практически всех свидетелей, начиная от мелких косовских бандитов до бывших президентов Хорватии и Словении, он уличил в том, что они, мягко говоря, искажают действительность» [1].

Явно преувеличивая реальную и мнимую вину сербов, машина, запущенная Гаагским трибуналом, начисто игнорировала тот факт, что «сербское население пострадало в ходе конфликтов, охвативших Балканский регион. В этом отношении представляется справедливой точка зрения российского юриста Ю. Решетова, что «не представляет также труда с точки зрения юридической техники обвинить в совершении тягчайших преступлений руководителей хорватов и боснийцев». Это стоило бы сделать и по справедливости. Силовые акции стран

НАТО, предпринятые без санкции Совета Безопасности ООН в 1999 году, также являются незаконными с точки зрения международного права. В связи с этим может быть поставлен вопрос и об ответственности за кровь, разрушения и материальный ущерб руководства вышеуказанных стран, действия которых формально подпадают под юрисдикцию трибунала по бывшей Югославии» [3, 122-123].

Вот только некоторые факты, показывающие, кого надо было прежде всего судить в Гааге.

«Опираясь на заведомую ложь, распространенную английскими и германскими военными ведомствами и спецслужбами США, позже дезавуированную международными независимыми экспертами и средствами массовой информации Великобритании, Германии, Испании, Греции и Италии, НАТО с 29 марта по 10 июня 1999 года был нанесен по территории Югославии и соседних балканских государств невероятный по военной силе, жестокости и цинизму бандитский удар, осуществлено 3500 авианалетов, в которых участвовали 1000 самолетов, 206 вертолетов, свыше 10 000 крылатых ракет, сброшены 200 000 тонн взрывчатых и отравляющих веществ, 31 тысяча снарядов с малообогатенным ураном, более 150 контейнеров с 35 000 кассетных бомб, которые и сейчас угрожают жизни миллионов детей и взрослых не только в Югославии, но и в других странах региона. Применены боевые заряды с малообогатенным ураном, термовизуальные и графитовые бомбы – запрещенные международными конвенциями оружие. Осуществлены ковровые бомбометания на химические предприятия, нефтехранилища, города и села, в результате которых, по мнению независимых международных экспертов, на территорию Союзной Республики Югославия было сброшено боевых и отравляющих веществ в суммарном отношении равных 15 атомным бомбам, взорванным над Хиросимой и Нагасаки. В результате убито более 2000 человек и свыше 6000 тяжело ранены; среди раненых более 40 процентов составляют дети, свыше 600 детей убито, примерно 300 000 детей страдают психическими травмами и нуждаются в длительном медицинском лечении, уходе и наблюдении. В результате полного разрушения хозяйственных и культурных объектов Югославии нанесен ущерб на сумму более 200 миллиардов долларов, или в 19 раз больше, чем за все годы Второй мировой войны. Однако даже после принятия резолюции Совета Безопасности ООН № 1244 о введении «натовских миротворцев» в Косово и Метохии агрессия и терроризм вспыхнули с новой силой: осуществлено более 5000 террористических нападений на неалбанское население; убито свыше 3000 человек; изгнано из родных мест более 400 000 сербов, черногорцев, цыган, мусульман, турок и другого неалбанского населения; уничтожено 107 церквей, монастырей, памятников культуры; насильственно захвачены сотни зданий медицинских учреждений, средних школ, университетов, земледельческих кооперативов; подожжено более 50 000 домов сербов, цыган, мусульман и др.» [4].

Еще задолго до натовцев бесчинствовали хорваты, словенцы, боснийцы. «С июля 1991 года по август 1992 года в Словении и Хорватии были этнически вычищены 193 села с сербским населением. На заседании Скупщины Боснии и Герцеговины (БиГ) Алия Изетбегович 21 декабря 1991 года заявил: «За суверенную Боснию и Герцеговину я готов пожертвовать миром». Началась гражданская война при обильной финансовой помощи, полученной из Саудовской Аравии, Ирана и других исламских стран, последовало и прибытие многочисленных моджахедов [5].

Касаясь общечеловеческого измерения банкротства Гаагского трибунала, следует сказать об его отказе в просьбе С. Милошевича посетить Москву для получения квалифицированной медицинской помощи незадолго до его кончины. Этот отказ, несомненно, ускорил смерть С. Милошевича. После смерти обвиняемого главный прокурор трибунала Карла дель Понте заявила, что «С. Милошевич специально принимал препараты, ухудшающие состояние его здоровья, так как хотел поехать в Москву или покончить жизнь самоубийством. С учетом нахождения С. Милошевича в тюремной камере такого рода заявления выглядят особо циничными...».

После смерти Слободана Милошевича президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко направил его супруге Мире Маркович соболезнование, в котором говорится, что ушел из жизни выдающийся политический деятель, целиком отдававший себя служению своему Отечеству. Для большинства здравомыслящих людей адекватность такой оценки очевидна уже сегодня. Все точки над «i» расставит история [6, 6].

Заключение. Таким образом, Гаагский трибунал является не правомочным, не было оснований для привлечения этим органом экс – главы югославского государства Слободана Милошевича к судебной ответственности. Он действовал в соответствии с нормами международного права. Данный деятель стремился сохранить территориальную целостность Югославии, выступая при этом жестким приверженцем её национальных интересов.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Тетекин В. Четыре часа за десятью дверями // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.patriotica.by.ru/index.html>

2. Милошевич Б. Гаагский тупик // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.slobodan-memoria.narod.ru/index.htm>
3. Щукин А. Гаагский трибунал: праведный суд или судилище? // *Беларуская думка*. – 2006. – № 7. С. 122-123.
4. Государственный террор США и НАТО. Декларация Европейского форума (конвента) мира // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hrono.ru/index.html>
5. Выступление С. Милошевича в Гаагском трибунале в сентябре 2002 года // [Электронный ресурс]. Режим доступа: (<http://www.hrono.ru/proekty/ru/index.html>)
6. Быстров А. Обозреватель. – 2006. – № 11. – 17 марта. – 6 с.

Материал поступил в редакцию 26.10.07

MALASHUK P.W. Bankruptcy of the Hague tribunal

In clause the mechanism of creation, functioning and competence of the tribunal on military crimes in former Yugoslavia, and also basis for attraction of the ex-chapter of the Yugoslavian state With. Miloshewic to the judicial responsibility is analyzed. The author comes to the following conclusions: 1) ex-Yugoslavian was not competent on business With. Miloshewic; 2) the bases for attraction of the given figure to the judicial responsibility were not.

УДК 316.77

Шебанова И.А.

ВИРТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА

«Общественная жизнь зависит в большей мере от характера средств, при помощи которых люди поддерживают между собой связь, чем от содержания их сообщений».

Маршалл Маклюэн «Средство само есть содержание»

Введение. Переходный процесс организации новой формы общества сопровождается возникновением механизмов самоорганизации. Механизмы самоорганизации – это информационные процессы и связи. Новые информационные процессы и связи ответственны за возникновение новой социальной реальности и этот важный фактор должен привлекать особое внимание социологов.

Социокультурная среда: виды и организация. П. Тейяр де Шарден в свое время заметил, что «...ноосфера стремится стать одной замкнутой системой, где каждый элемент в отдельности видит, чувствует, страдает так же, как все другие, и одновременно с ними».

Современный период развития социума – это переходная стадия от индустриальной цивилизации к постиндустриальной или к так называемому информационному обществу. «Информационное общество – понятие, предполагающее взгляд на современное общество с точки зрения стремительно возрастающей, всепроникающей информатизации всех сторон его жизнедеятельности» [1, с. 47]. Термин «информационное общество» все чаще употребляется в научных публикациях, где идет поиск ответов на вопросы: что происходит с человеком в процессе продолжающегося «информационного взрыва», каковы экономические, социальные и культурные последствия развития информационных технологий и средств массовой коммуникации, каково их влияние на глобализацию повседневного общения и формирование духовной жизни на планете в целом?

Производство информации из вспомогательной отрасли становится самостоятельным видом деятельности, который оказывает преобразующее влияние на другие технологии, а последние зависят теперь от информированности и владения современными средствами и технологиями. Средства коммуникации становятся неотъемлемым компонентом такой деятельности. С социологической точки зрения актуализируется изучение влияния на человека, общественные организации, институты и мир в целом новых форм и средств коммуникации.

Существует множество определений социальной коммуникации. Суммируем наиболее часто встречающиеся из них:

- социальная коммуникация – это передача информации, идей, эмоций посредством знаков, символов;
- это процесс, который связывает отдельные части социальных систем друг с другом.

Появление новых возможностей коммуникации, считает социолог С.Н. Щеглова, явится «фактором социальной идентификации

индивида с сообществом, ликвидацией комплекса отчужденности от процессов глобального развития, ментального напряжения, связанного с комплексом провинциализма, цивилизационной неадекватности» [2, с. 131].

Рассуждая о социальных и организационных следствиях информационной революции, социологи выделяют не столько количество социальных связей или их интенсивность, сколько их «радиус», возможность взаимодействовать с множеством различных сообществ, идентифицируя себя с ними. Окончательные социальные последствия этих изменений еще остаются неосознанными и нерассмотренными.

Новые электронные глобальные средства коммуникации принесли огромные возможности человеческой цивилизации, одновременно изменяя ее.

В доалфавитных или дописьменных обществах основным органом ощущений и общественной ориентации было ухо. Речь являлась социальным путеводителем. Изобретение алфавита и письменности привело к замене основного вида приема и передачи информации с уха на глаз. И в современной культуре рациональный человек – это в первую очередь визуальный человек.

Платон в своей аллегорической сказке «Федр» предупреждал, что фиксация знаний в книгах разрушит устную традицию знания и педагогики. Люди потеряют способность помнить, и образование перестанет быть живым обсуждением, спором, диалогом между учеником и учителем. Образование, говорил он, станет безжизненным процессом извлечения фактов из немых объектов, осуществляемых в одиночестве. Когда появились газеты, люди перестали собираться на площадях, чтобы встретиться и послушать путешественников. Напечатанная книга многое прибавила к культуре индивидуализма. Стала возможной личная установившаяся точка зрения, и грамотность подарила возможность обособленности, изоляции.

Изобретение кино и телевидения объединило «ухо и глаз» – визуальную и акустическую информацию.

В 80-х гг. XX в. Дж. Голдхаберг в своей харизматической модели коммуникации писал, что телевидение больше действует на эмоции, чем на разум. Поэтому успех телевизионных передач меньше связан с информационным содержанием, а напрямую зависит от «харизмы» той личности, которая на экране.

Средства массовой информации порой возвращают современное человечество в те далекие времена, когда люди испытывали

Шебанова Ирина Александровна, старший преподаватель кафедры философии и культурологии Брестского государственного технического университета.

Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.